

ПРОФЕССОР НЕ ВЕРИТ В ГРАММАТИКУ

«Второй язык» сегодня нужен миллионам, и с таким напором «покупателей» традиционная школа уже не справляется

Игорь Шехтер, автор эмоционально-смыслового метода освоения иностранного языка, считает, что «учиться говорить, рутинно складывая фразу за фразой по стандартным элементам, — противоестественно». Живая речь, полагает учёный, рождается на ходу, спонтанно, искромётно, а вовсе не строится по блокам, как небоскрёб. «Неграмотные люди, — напоминает профессор, — а таковых ещё на планете около 1,5 млрд, даже понятия не имеют о грамматике. Но не молчат же из-за этого! Они говорят, воплощая в языке себя, личные мысли, чувства, свои особенные представления и взгляд на мир...»

Антон Зверев,
обозреватель
«Московских
новостей»

— Когда я читаю вступительные лекции своим будущим коллегам, выходящим из классических педвузов, — рассказывает Игорь Юрьевич, — то буквально через колено ломаю аудиторию, такие сногшибательные эпитеты отпускаю по адресу школы и современной педагогики, что многих передёргивает, особенно дамочек. Но что же делать? Школа, рано или поздно, всё равно должна быть перестроена на новых, более гуманных, духовно здоровых началах. А поскольку пока этого не происходит (говорить с серьёзными людьми о тектоническом разломе в самом «фундаменте фундамента» общества — классно-урочном хребте — как-то неловко), то мы по инерции и тащим в новое тысячелетие окаменевшую, замшелую традицию, по которой учили ребятню и сто, и двести, и даже триста лет назад.

Нынешняя светская школа, напомню, уходит корнями в церковную, где монахи, одетые в хламиды, сидели в затылок друг другу. Не потому ли, что затылок — самая невыразительная часть человека? И весь мир сажает с тех пор учеников только в затылок. В частной ли школе, в престижной Сорбонне или на курсах автовождения. Считается, что дети должны видеть только учителя — светоча, непререкаемого обладателя священных истин. Смотреть в глаза товарищу, видеть его лицо, улыбку, взгляд совсем не обязательно. А ведь лицо — это самая, сказал бы, познавательная часть человека!

Понятно: средневековая церковно-приходская школа преподавала слово Божие, его надлежало вызубрить и воспроизвести один в один, а отступление каралось. Но прошло 300 лет и что же изменилось? Задача у студента, по существу, та же — «скопировать текст» и по команде педагога «повторить». Но копировать теперь умеет и компьютер. Впрочем, тут у меня есть личный нравственный запрет: нельзя огульно охаивать старое, пусть и отжившее. Ибо сегодняшнее новое тоже когда-нибудь станет старым.

— Игорь Юрьевич, по дороге в вашу школу невольно заглянул через плечо соседки по метро, которая штудировала учебник английского. Мой взгляд упал на фразу в заголовке, от которой в животе тотчас похолодело, — «Лексико-грамматические упражнения». Скажите, человек что-то теряет, годами исполняя скучные методические предписания, распоряжения и упражнения дидактов?

**Афоризмы
от Шехтера**

Речь — это творчество, поэтому ничего не надо специально учить.

Только яркие, даже отрицательные эмоции — встряски помогают освоить язык, ничего сознательно не запоминая.

Грамматика — это могила живой речи.

Язык не надо изучать, достаточно лишь говорить на нём.

— Он теряет самого себя.

— **На пять процентов, на двенадцать?..**

— На все сто! Вы что, играете или действительно не понимаете? Ибо, усваивая всю эту дребедень, он не живёт как человек, как личность ни секунды. Для учителя он — бездушный исполнитель приказов или, если хотите, живой архив, куда запикивают килограммы слов, правил, форм; тюлень, которого дрессируют, как в цирке... Заметьте: по одной методе и заданию одно для миллионов. И все дружно, от Калининграда до Камчатки, повторяют: «Стол стоит», «Окно открыто», «Летом мы отдыхаем, а зимой много снега». Мы произносим всё это, чтобы выполнить абстрактную учебную задачу, а вовсе не потому, что нечто побуждает нас нарушить молчание — здесь, сейчас и именно в этих словах. Я называю это немотивированной речью. А любой психиатр вам подтвердит, что немотивированный монолог — начало шизофрении. Только больные так говорят. Я же не устаю повторять, что речь — явление личностное. Это часть моего бытия, а не просто средство общения. Сколько статей об этом напечатал в самых уважаемых журналах! Но меня не слышат, не хотят понять. Коллеги из соседних отраслей только плечами пожимают, говорят: «Занятно, красиво. Но зачем ты этим занимаешься?»

— **То есть вы, мягко говоря, не очень хорошо относитесь к учебникам иностранных языков, «огрифленным» нашим Минобразования? К тому же, например, пособию Старкова, послужившему настольным для многих поколений?**

— Да я его сам вижу на всех полках! Так вот, скажу вам сразу обо всех этих учебниках, по любому языку, включая и французский, и китайский: брак ужасный. Это скорее руководства по отуплению детей, словно бы их авторы сознательно задались целью внушить отвра-

щение к живому, великому и могучему средству общения (а каждый народ, естественно, считает свой язык самым великим и могучим).

На Западе, поверьте, то же самое — расцвеченные обложки, богатый полиграфический дизайн, красивые аудиокассеты, бархатные голоса на плёнках... Увы, всё это не имеет ни малейшего отношения к делу. Язык от всех этих красот доступнее не становится. Я, например, считаю, что его не изучать надо — со стороны, «извне», а развивать в самом себе. То есть задача педагога — сделать заведомо чужой для говорящего инструмент своим. Чтобы он себя выплёскивал и выражал на нём, как личность.

— **Вы вот ругаете чужую педагогику. А я недавно был в Стокгольме, где с прохожими объяснялся на английском. Специально подсчитал: всего один из двадцати встречных горожан развёл руками, дескать, только пошведски, да и тот был в возрасте и тут же «передал меня» сыну, который легко «просветил», как пройти на нужную улицу.**

— Прежде уточним: они говорили с иностранцем на доступном ему и понятном, бытовом английском. И потом, Европа маленькая (каких-то два часа на машине, и вы уже в другом государстве), а Россия — гигант. В маленьких странах есть очень много компенсаторных, обходных путей пользования чужим языком. Какое-то начало закладывается в школе, а что-то усваивается самотёком, во дворе, в полиэтничном классе, через спутниковый телеканал. В конце концов, там люди, носители разных наречий, вместе живут, ездят друг к другу в гости, дружат семьями, ходят в одни и те же кафе.

Правда, и у нас, конечно, что-то остаётся от десятилетки, не только один аттестат. Но, в отличие от них, нам этого «что-то» совершенно недостаточно, потому что на наших просторах (скажем, где-нибудь в Семипалатинске или Тайше-

те) встретить немца или англичанина удаётся реже, чем в Мадриде или Токио. А там это сплошь и рядом — учи любой язык прямо на улице. В этом году я побывал в Венеции: население острова — 64 тысячи человек, а в качестве туристов, говорящих на основных языках мира, эту страну посещает ежегодно 11 миллионов гостей. Так любой мальчишка-рикша говорит в Венеции на двух-трёх языках, кроме своего итальянского. Вот это образовательный эффект. Только при чём тут школа?..

Или из нашей истории возьмём пример. Известно, что в русском обществе конца XVIII века дворяне нанимали своим детям гувернантов. Помните Пушкина: «Потом месье её сменил...»? Будущие аристократы, общаясь с утра до ночи с учителями-иностранцами, в итоге, как известно, «брали» французский на весьма достойном уровне. Значит, методика обучения языку была в те времена уже на высоте? Да ничего подобного, не надо путать жизнь, которая всегда надёжно прикрывала немощь официальной педагогики, и саму эту убогую науку, которая и тут в очередной раз просто присвоила себе чужие лавры.

— Кстати, о гувернёрах. Мы с женой тоже решили приобрести своего недоросля к языку Шекспира. Отдали в частные руки — и что? Уже через два дня пошли домашние задания, потом отметки: красными чернилами — по первому этюду ребёнка. Ещё через пару дней раздался грозный звонок гувернёрки: «А вы на ночь уроки повторяете?»

— Кошмар! Всё, конец...

— Выходит, от школы никуда не деться, она прочно поселилась в каждом сердце. Одна отрада: нашему ребёнку вроде нравится ходить к частнику. Надо ли продолжать занятия?

— Конечно, нет. Ради Бога, нет! Надо сбить маленькую группу из двух-трёх человек, попросить педагога не давать никаких заданий и разбирать с ними через игры, какие в этом возрасте доступны, говорение на английском через русский — всё! Крайне важно, чтобы дети жили на уроках своей детской жизнью (играли в салочки, кошки-мышки, прятки) — так, как живут вне языка. Это и есть развитие, учение и развлечение. А зубрить, настаиваю, ничего не надо. И никаких лексических минимумов, это яд. Слова надо вынимать из реплик, высказываний, и ребёнок на это способен, он точно так же овладел и своим языком. Ему что, список русских слов вручали родители, прежде чем он стал говорить? Ну, зачем же делать из человека не то, что он есть, учить его ходить на двух ногах? Нелепость. Он человек, он это может...

— Печальная реальность: в школу, обычную, среднюю, мало кто сегодня верит. Потому и не зарастает народная тропа к дорогим репетиторам, в студии, кружки по интере-

А ВЫ ГОВОРИТЕ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ?

Б л и ц – о п р о с

**Артём Соловейчик, главный редактор
издательского дома «Первое сентября»:**

— На немецком только читаю, а говорю достаточно свободно на английском. Как и все, учил его в школе. Казалось, unsuccessfully. Судя по оценкам, точно unsuccessfully. Зато несколько лет спустя, когда пересекал на яхте вместе с американскими друзьями Атлантический океан, к концу плавания вдруг заговорил на их слэнге. И уже навсегда... В принципе, наверное, без второго языка обойтись можно. Но лично мне он даёт ощущение свободы, возможность на всё посмотреть иначе, по-другому.

**Андрей Макаревич, лидер
группы «Машина времени»:**

— Владею английским. Поскольку все мы учились на «Битлз», то я просто не могу не знать этот язык! Кстати, песни знаменитого квартета считаю одной из лучших школ английского языка. Хотя была в моей жизни и 19-я московская школа с английским уклоном, и очень хорошие учителя... Я много путешествую, люблю всё новое. Навык общения на иностранном языке считаю совершенно необходимым для любого уважающего себя человека.

**Александр Кондаков, генеральный директор
издательства «Просвещение»:**

— Честно говоря, мне казалось, что число сограждан, владеющих вторым и третьим языками, должно быть больше одного процента. Где-то в районе 2–3. Всё зависит от того, что называть свободным говорением — умение переводить с лёгу живую речь или же просто читать прессу, ориентироваться в языковой среде. В пединституте имени Ленина я получил двойной диплом — учителя географии и преподавателя английского языка. Подрабатывал синхронным переводом. Мне платили сорок рублей в час — неслыханные по тем временам деньги. И всё же язык для меня не профессия, а способ познания мира. Я абсолютно убеждён, что неспособных к языку людей не бывает.

Андрей Битов, писатель:

— Я мечтаю о трёх учебниках, которые должны приходиться к ребёнку одновременно с Азбукой. Это учебник экологии. Учебник философии. И учебник лингвистики.

То, что ставится в конце, должно быть преподано в начале. Там, в этих учебниках, должно быть целое. От целого мира дети пойдут к его частям. А не наоборот. По-моему, это возможно. Лингвистика даёт поразительно увлекательный материал — и люди перестают бояться языков. Если с младенчества знать, что русский — в родстве со всеми языками, как вы будете бояться других? Надо показать, как все они взаимопроницаемы. Как путешествуют по миру слова. Найти какие-нибудь волшебные примеры. Учебник, где учитель разбирает с детьми механизм языка, как механизм каких-нибудь старинных башенных часов (с фигурами поэтов и естествоиспытателей теории языка обязательно!). А потом уж учить конкретный, необходимый English-Deutsch будет куда проще...

Владимир Кара-Мурза, телевизионный диктор:

— У нас в семье всегда царил культ иноязычия. Окончил в Москве французскую спецшколу. Кроме того, учась на истфаке МГУ, прилично освоил латынь. Не всё, увы, из изученного пригодилось в работе. Зато с каким удовольствием, отдыхая во Франции, перелистываешь «Нувель де Моску» или «Ле монд» в оригинале. А вот когда ездил в Нью-Йорк, приходилось «шпрехать» по-испански. Потому как с английским, к стыду своему, до сих пор не дружу...

Рассказывает Татьяна Соболева, преподаватель английского языка по методу И.Ю. Шехтера с семилетним стажем (г. Москва):

— Эта методика пленяет сразу, ибо и результаты видишь уже через пару дней после начала погружения в язык. Хотя и слушатели, и мы, преподаватели, работаем «в мыле». Вместо обычных для школы убогих двух уроков в неделю мы занимаемся 4 полных часа и вдобавок ежедневно. Но, несмотря на то что система носит название «Интенсив», перегрузок слушатели не испытывают. Во-первых, технология целиком замешана на игре, репризах-экспромтах, разучивании известных песенок

сам. Но и там всё та же лотерея: повезёт — не повезёт. Что же происходит? Почему забыли, что, наряду с формальной, в каждом доме стоит на тумбочке в кухне куда более мощная, активная и неказённая школа, которую посещают ежедневно миллионы телезрителей...

— Да, тут вы правы. В рамках канала «Культура» было бы неплохо отвести немного времени для новых, доказавших свою жизнеспособность методов обучения иноплеменным языкам. Я бы охотно согласился поработать по своему методу в эфире «живьём».

— ...или хоть как-то для начала снять у людей страх перед чужим, «не нашим», инородным. Ведь мы выходим из школы запуганными, с одной мыслью: «Я никогда язык не выучу!»

— А вы знаете, откуда возникает этот страх, где скрыты его корни? Каждый, кто переходит на другой язык, испытывает инстинктивную боязнь утратить «на границе»... самого себя. Любой нормальный человек боится потерять своё лицо, своё «я» (особенно в чуждой, иноязычной среде), потому что на другом языке он его не имеет. Помните, пушкинский Сальери говорит, что он поверил алгеброй гармонию? Но для этого её надо иметь, иначе нечего и поверять. И Сальери, большому и талантливому композитору, было что поверять, в отличие от современного ученика, которому язык преподают чистой алгеброй.

Но слова, оторванные от человека, мертвы. Вот почему мои, как правило, великовозрастные слушатели радостно учатся: они, учась, живут! В школе же их учат грамотно молчать или, как попугаев, повторять чужие прописи. А я говорю, нельзя убивать личность, потому что только личность говорит. Когда мы говорим, то это подаёт свой голос наше «я», и мы не знаем заранее, что и в каких словах произнесём — это бессознательный процесс.

— Допустим. А что же сотни других так называемых коммерческих курсов, та же Илона Давыдова с её кассетами в ГУМе или Галина Китайгородская с её мячами и кроссвордами? Там разве учат не по альтернативным технологиям?

— Увы, на такого рода курсах преобладает интенсивный вариант «традиции», но приспособленной ко времени: с притопами, прихлопами... Уже было, кстати, в одной из газет коллективное письмо учёных РАН, обосновавших, как дважды два, что методика Давыдовой недееспособна. А люди всё равно клюют: в газете-то написано, что этому методу якобы нет альтернативы. Бог с ним, но всё равно хочу спросить: зачем же переучивать заново взрослых людей — латать школьные дыры, взимая за это немалые деньги, если можно сразу сделать

хорошо и на долгие годы? Чтобы человек скорее начинал жить с языком — на заре своей карьеры, а не перед закатом!

Визитная карточка школы

Первый цикл занятий в Авторской школе Шехтера развивает присущую человеку способность осмысленно говорить, понимая, что он хочет сказать и зачем. Начиная со второго цикла и на третьем слушатели знакомятся с грамматикой, системой языка для нормирования собственной речи. Весь курс длится 3 месяца. Домашних заданий нет, оценок и экзаменов тоже. К концу занятий слушатели говорят, читают, переводят, делают обзоры прессы на чужом языке.

Чайхана на английском

Игорь Шехтер — член-корреспондент Академии гуманитарных исследований, автор теории эмоционально-смыслового подхода к освоению чужих языков, автор и редактор многих учебников и пособий для школ и академий. Прошёл Великую Отечественную войну. Окончил Институт имени Мориса Тореза, там же работал, выпустив два десятка поколений переводчиков. В шестидесятых годах был научным руководителем Центрального кабинета методов обучения языкам СССР, где и пришёл к выводу, что преподавание языков зашло в тупик, причём во всём мире. С 1994 года руководит авторской школой в Москве. «Сколько языков я знаю? Неважно, — сердится профессор. — Я не стюардесса. Я знаю русский, этого достаточно! Потребуется ещё два, и их тоже выучу. Три месяца длится курс...» В авторской школе Шехтера учились композитор М. Таривердиев, кинорежиссёр П. Чухрай, писатель В. Войнович, режиссёр Р. Виктюк, академик Мигдал и целый отряд советских космонавтов. В «образовательном меню» школы Шехтера — 15 языков, включая хинди и японский. Слушатели начинают говорить на любом из них через месяц, а читают на 10-й день. Особенность метода в том, что говорящий пользуется новым языком как родным, то есть продолжает жить со своим «я», но уже на чужом диалекте. «Ученики» сидят не за партами, а в креслах, расставленных уютным кружком, слушают музыку, пьют чай, разыгрывают сценические импровизации, защищают фантастические проекты. В общем, каждый чувствует себя собой, потому, наверное, и не замечает, что давным-давно говорит на английском или французском. **НО**

из репертуара «Битлз», Ф. Меркьюри, Э. Хампердинка. Ибо любое общение, как учит Шехтер, должно начинаться с положительных эмоций. Поэтому львиная доля упражнений и заданий выполняются под музыку. Во-вторых, исключая оценки, а значит, и «дарвиновские» соревнования ребят за выживание, отменяя домашние задания и прочие школьные репрессии, Шехтер выдвигает главным принципом учёбы «радость взаимного общения-обогащения». Ведь, подчёркивает Игорь Юрьевич, люди все разные: у каждого своя точка отсчёта, свой темп, «глубина бурения», дистанция. Своё чувство языка. Поэтому даже табу на подсказки упразднены: профессор уверен, что помощь товарищу — не тормоз, а, напротив, мощный двигатель прогресса, причём обоюдно полезный как для помощника, так и для «утопающего».

Всякий курс начинается с того, что «первоклассник» тянет из корзинки фантик со своим игровым именем. Вместе с ним человек получает как бы защиту от прожитой жизни, служебных и прочих забот. Всё это остаётся за порогом класса. Жизнь начинается вроде как сначала, а новые инициалы помогают мгновенно включиться в общую игру, настроившись на солнечный, по-детски раскованный лад. С этой минуты мои подопечные уже не учатся, а проживают новые судьбы — Тома, Джорджа, Бэтти, Кэтрин... Часто и по завершении занятий, продолжая «внешкольную» дружбу, выпускники Шехтера ещё долго называют друг друга «Джонами», «Полами» и «Линами».

В основу нашей интеллектуальной жизни легли театральные этюды. К примеру, каждой паре слушателей предлагается ситуация: вы входите в свой гостиничный номер и видите человека, невозмутимо раскладывающего вашу одежду по полкам шкафов. Ну-ка, разберитесь с незнакомцем чисто по-английски! В «учебных клубах Шехтера» ученики ставят спектакли по-английски, готовят многочасовые пресс-конференции с «известными спортсменами», «полярниками», «долгожителями» (т.е. со своими же собственными однокурсниками), ведут дипломатические переговоры по телефону. В итоге на седьмом занятии их речь уже приятно слушать. Причём атмосфера в классе такая, что цветы, которые ученики приносят с мороза, расцветают на глазах...